

Анна Шилд
Ада Огнева

Личная слабость
босса

18+

**Ада Огнева
Анна Шилд**

Личная слабость босса

<https://litres.ru/74515484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Родион Казанцев приходит в дом Светловых не просить. Он забирает бизнес, счета и право решать судьбу семьи. Вероника отказывается становиться покорной заложницей и бросает вызов человеку, которому остальные боятся перечить. В горной цитадели Казанцева её упрямство должно было сломаться. Вместо этого между ними начинается борьба, в которой всё труднее отличить ненависть от желания. Вероника ищет выход, Родион теряет привычный контроль, а враги готовят удар. Ещё немного — и они поймут, чья слабость обойдется дороже. Только отступить к тому моменту уже не получится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Анна Шилд

Личная слабость босса

Личная слабость босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Дождь за высокими стрельчатыми окнами кабинета не просто шумел — он хлестал по толстым стеклам с яростью обезумевшей стихии. Капли, крупные и тяжелые, как свинцовая дробь, с глухим стуком разбивались о гранитные карнизы старинного особняка «Светлые Вязы», стекая мутными ручьями в темноту соснового парка. В доме погас основной свет. Аварийная линия электропередач легла еще в одиннадцать вечера, а резервный дизель-генератор в сыром подвале захлебывался, испуская надрывный, судорожный гул, от которого едва заметно подрагивали хрустальные подвески настенных бра.

Воздух в кабинете отца казался вязким, почти осязаемым. Он пах застарелым сигарным дымом, сыростью вековых дубовых стен, дешевым парафином догорающих огарков и терпким, горьковатым дурманом сорокалетнего коньяка.

Вероника Светлова стояла у закрытых двойных дверей, прислонившись лопатками к холодной дубовой филенке. Ее пальцы были сжаты в кулаки, ногти до боли впивались в нежную кожу ладоней, но лицо оставалось безупречно неподвижным — тонким, бледным, выточенным из матового алебастра. Когда Вадим в очередной раз задел сумкой ножку стула, она дернулась вперед — и остановилась у двери. Пусть хотя бы отец видел ее стоящей, пока брат ползал у сейфа.

На ней было простое темно-бордовое шерстяное платье с глухим воротом под самое горло и длинными узкими рукавами, подчеркивающими тонкие запястья и безупречный, гордый разворот плеч. На безымянном пальце правой руки тускло поблескивал массивный фамильный перстень из черного серебра — пикирующий сокол над речной волной, родовая печать Светловых с выступающим, бритвенно-острым рантом.

— Да шевелись же ты, дрянь! — сорвался на сиплый визг Вадим.

Ее старший брат стоял на коленях перед раскрытым стенным сейфом, вмурованным за фальшивой панелью книжного шкафа. Дорогой темно-синий пиджак от Brioni был смят и расстегнут, шелковый галстук съехал набок, а на лбу и висках блестели крупные капли холодного липкого пота. Дрожащими, побелевшими пальцами Вадим судорожно запихивал в безразмерный кожаный баул тугие пачки сто долларовых купюр, бархатные футляры с бриллиантами матери и стопки заграничных паспортов на чужие имена.

Одна из пачек выскользнула из его трясущихся рук и с сухим шелестом шлепнулась о паркет. Банкноты веером разлетелись по пыльному персидскому ковру.

— Заткнись, Вадим, — ледяным тоном произнесла Вероника, даже не шелохнувшись. — Если ты сейчас же не прекратишь скулить, я сама запру этот сейф и выброшу ключ в камин.

Вадим резко вскинул голову. В его мутных, бегающих глазах плескался животный, парализующий ужас.

— Ты с ума сошла?! Ты вообще понимаешь, что происходит за этими стенами?! Казанцев снес наши внешние заставы за сорок минут! Его штурмовики перерезали шоссе, глушат связь, разоружили наемников! Охрана побросала автоматы и разбежалась по оврагам! Нас сотрут в порошок! Если мы не уйдем через дренажный коллектор старой оранжереи прямо сейчас, нас найдут здесь с пулями в затылках!

— Наемники разбежались, потому что ты нанимал трусов и воров, — Вероника медленно оттолкнулась от двери и сделала шаг вперед. Ее кожаные каблуки негромко стукнули по паркету. — А ты бежишь, как последняя крыса, бросая отца одного в темноте. Наш дед тридцать лет собирал этот клан по кирпичику. Он строил заводы, держал в кулаке весь регион. А ты набиваешь карманы ворованными бумажками при первой же угрозе.

— Плевать я хотел на деда и его проклятые заводы! — Вадим с перекошенным от бешенства лицом схватил саквояж, лихорадочно задергивая молнию. — Заводы уже под Казанцевым! Портовые терминалы арестованы! Счета заблокированы! Ты хочешь сдохнуть здесь за иллюзию фамильной чести?! Пожалуйста! Сиди и жди, когда его псы выломают дверь и пустят тебя по кругу прямо на этом столе!

— Замолчите... оба... — донесся из глубины комнаты глухой, надтреснутый голос.

Глеб Светлов сидел во главе огромного дубового стола, утопая в высоком кожаном кресле с продавленной спинкой. За последние двое суток патриарх рода состарился на целую жизнь. Его седые, некогда аккуратно зачесанные назад волосы торчали клочьями, щеки обвисли серой дряблой кожей, а глаза слезились, уставившись в пустоту перед собой.

Перед ним стоял тяжелый хрустальный штоф, наполовину заполненный коньяком. Пальцы старика мелко и непрерывно подрагивали, выбивая по лакированному дереву дробь.

— Отец, вставай! — Вадим подскочил к столу, схватил отца за плечо, пытаясь дернуть вверх. — Машина ждет у лесного выезда! Еще пять минут, и они перекроют лесную просеку! Вставай, черт тебя дерит!

Глеб Светлов лишь слабо мотнул головой, не отрывая взгляда от залитой дождем тьмы за окном.

— Поздно, Вадим... — прохрипел он, и с его серых губ сорвался сухой, каркающий вздох. — От Родиона Казанцева на машине не уходят. Он не оставляет щелей. Я знал его отца... Старый волк был беспощаден, но Родион... Родион страшнее. У него нет нервов. Нет слабостей. Он пришел забрать долг. Все до копейки. Все до капли крови...

— Ты сам виноват! — выкрикнул Вадим, брызгая слюной. — Ты полез на его танкеры! Ты послушал Вороновых!

— Замолчи! — Вероника подошла вплотную к столу, властно оттолкнув брата плечом. Ее янтарный взгляд вспыхнул опасным огнем. — Прекрати истерику, Вадим. Если те-

бе так дорога твоя жалкая шкура — проваливай через свою трубу. Ползи по грязи. А я останусь здесь.

Она повернулась к отцу, опустилась перед ним на одно колено и накрыла его холодные, дрожащие пальцы своей теплой ладонью.

— Отец. Посмотри на меня. Мы Светловы. Мы не ползаем на брюхе перед захватчиками. Что бы сейчас ни произошло, мы встретим их стоя. Ты слышишь меня?

Глеб медленно повернул к ней мутное, угасшее лицо. Его губы шевельнулись, но вместо ответа из глубины дома, со стороны парадного подъезда, донесся звук, от которого зазвенели стекла в переплетах.

Вероника вскинула голову: удар пришел снизу, от ворот.

Тяжелый, глухой, чудовищной силы металлический удар сотряс самые основы особняка. Скрежет рвущейся кованой стали эхом прокатился по анфиладам пустых залов. Главные ворота усадьбы — чугунные, трехметровые, пережившие бандитские войны девяностых — рухнули на гравий подъездной аллеи под напором штурмового тягача.

В ту же секунду дизельный генератор в подвале с отчаянным воем заглох. Единственная тусклая лампа под потолком моргнула и погасла навсегда. Комнату затопил плотный, бархатный сумрак, в котором метались лишь багровые тени каминных углей да тонкие язычки двух огарков свечей.

Вадим взвизгнул, как придавленный пес, выронил сумку и метнулся в угол кабинета, забиваясь в узкую нишу между

книжным шкафом и портьерой.

— Они здесь... — прошептал он, стуча зубами. — Господи... они здесь...

Вероника медленно поднялась с колен. Сердце в груди сорвалось в безумный ритм, кровь гулками толчками ударила в виски, но спина ее осталась идеально прямой. Она шагнула назад, встав по центру ковра лицом к массивным дверям.

Снизу, по широким ступеням парадной мраморной лестницы, уже поднимались шаги.

Размеренные, тяжелые, неотвратимые, как удары метронома. Подошвы армейских ботинок печатали шаг по мрамору с безупречной синхронностью боевого подразделения.

Секунда звенящей тишины.

И в следующее мгновение двойные дубовые двери кабинета с оглушительным треском вылетели внутрь.

Металлические петли вырвало из вековых косяков вместе с кусками сухой древесины. Щепки брызнули по паркету. В комнату молча ворвались четверо оперативников в глухом черном тактическом обвесе: углепластиковые шлемы с опущенными забралами, тяжелые кевларовые бронежилеты, укороченные автоматы с глушителями. За две секунды они заняли углы комнаты. Один из стволов замер в десяти сантиметрах от носа трясущегося Вадима.

А затем на пороге возник он.

Родион Казанцев заполнил собой весь дверной проем. Исполинский рост под два метра, колоссальный размах плеч, хищная грация опасного зверя, знающего, что у него нет со-

перников.

Его черное шерстяное пальто было распахнуто и блестело от дождевой влаги. Капли воды срывались с лацканов на темный жилет шерстяной тройки безупречного ручного пошива. Ворот сорочки был расстегнут, открывая мощную шею с бронзовым загаром и вздувшейся веной.

Черты лица казались вытесанными из уральского гранита: тяжелая челюсть с трехдневной щетиной, жесткая складка рта и волчьи серо-зеленые глаза.

Воздух в кабинете окончательно переменялся. Запах ко-
ньяка и страха был выжжен морозным озоном осеннего лив-
ня, горьким можжевельником, кубинским табаком и тяже-
лой силой победителя.

Казанцев перешагнул через щепки. Подошва ботинка
с хрустом впечатала рассыпанную банкноту в грязь. Его
взгляд остановился на Глебе Светлове.

— Добрый вечер, Глеб Николаевич, — произнес Родион.

Его голос — низкий бархатный рокочущий бас с метал-
лической хрипотой — заставил задрожать оконные стекла.

Родион подошел к столу и бросил перед стариком тяже-
лую черную папку из тисненной кожи с золотым вензелем
конгломерата.

Глухой удар папки о сукно прозвучал как выстрел.

— Тридцать минут назад Совет директоров нефтеналив-
ного порта передал контрольный пакет под управление «Ка-
занцев-Холдинга», — раздельно произнес Родион. — Все ва-

ши кредитные линии закрыты. Наемники сложили оружие. Здесь — безоговорочный акт капитуляции. Полная передача сырьевых терминалов, логистических хабов и отказ от любых претензий. Подписывай.

Глеб Светлов сидел, не шевелясь. Нижняя челюсть тряслась, а из уголка рта стекала ниточка слюны.

— Родион... Андреевич... — выдавил старик пересохшим горлом. — Светлые Вязы строил мой отец... Оставь хотя бы крышу над головой... Не выгоняй старика на улицу...

И сломленный патриарх великого некогда рода соскользнул с кресла прямо на колени.

Он упал на холодный паркет, вцепившись пальцами в край стола, роняя слезы прямо на полированное дерево:

— Пощади... оставь дом... мы все подпишем... все отдадим...

Веронику словно хлестнули нагайкой по лицу. Жгучий стыд за собственную кровь взорвался в висках вспышкой.

— Встань! — ее голос рассек тишину кабинета, как удар клинка.

Она сорвалась с места, в два шага преодолела расстояние и встала между коленопреклоненным отцом и нависающим титаном.

Она перекрыла собой обзор, вздернула подбородок и заставила Казанцева посмотреть на нее.

— Встань с колен, отец! — не оборачиваясь, яростно бросила она Глебу. — Не смей унижаться перед этим зверем!

Смерть в бою достойнее этой собачьей мольбы!

Она стояла так близко к Родиону, что чувствовала исходящий от него жар. Его взгляд задержался на вздымавшейся под бордовой шерстью груди. Вероника подняла подбородок, заставляя его снова посмотреть ей в глаза.

— Вы победили силой железа, Казанцев, — выплюнула она прямо в его гранитное лицо. — Купили продажных шакалов и подогнали броневики. Вы можете забрать землю, заводы, кирпичи и счета. Но уважения, покорности и пресмыкательства в этом доме вы не купите никогда! Вы были и остаетесь бешеным псом, возомнившим себя хозяином мира!

Тишина стала абсолютной. Стволы автоматов замерли. Никто в этом городе не смел говорить с Родионом Казанцевым в таком тоне.

Родион не пошевелился. Он медленно, с тягучей опасной леностью опустил взгляд волчьих глаз на ее лицо.

В его зрачках впервые шевельнулось темное, голодное пламя. Взгляд скользнул по ее пылающим щекам, приоткрытым дерзким алым губам, тонкой шее с бешено бьющейся жилкой, очертил крутой изгиб ключиц, волнующий подъем груди и узкую талию.

На его жестких губах расплылась медленная, хищная усмешка.

— Уважение побежденных мне не нужно, Светлова, — его голос завибрировал у нее в грудной клетке, отзываясь

сладким и страшным спазмом внизу живота. — Бумаги подпишет твой сломленный отец. А мне... нужна ты.

Глава 2

Слова Казанцева повисли в воздухе, как тяжелый топор перед падением на плаху. Вероника замерла, чувствуя, как ледяная волна прокатывается от затылка до самых кончиков пальцев.

— Что?.. — сорвалось с ее губ едва слышным выдохом.

Родион даже не удостоил ее ответом. Он неторопливо поднял правую руку в черной тактической перчатке и сделал короткий жест оперативникам у дверей:

— Взять кабинет под контроль. Поднимите старика с пола и усадите в кресло. Ручку в руки — пусть ставит подписи на каждом листе. Того щенка за шкафом не трогать, но держать на мушке. Никакой пальбы.

— Есть, командир, — глухо отозвался старший группы.

Прежде чем Вероника успела сделать шаг назад или хотя бы осознать происходящее, огромная горячая ладонь Родиона сомкнулась на ее правом предплечье выше локтя.

Хватка была сокрушительной — кости ее руки сдавило, словно стальным зажимом. Сквозь плотную ткань платья мгновенно пробилось обжигающее тепло его пальцев.

— Пойдем, Светлова. Нам нужно прояснить регламент твоего нового статуса.

— Пусти! Убери руки! — Вероника рванулась всем телом, пытаясь вывернуть руку, но Казанцев даже не качнулся.

Он просто шагнул вперед, увлекая ее за собой с легкостью взрослого волка, волокущего молодую волчицу. Ее каблуки заскользили по паркету. Он вывел ее из разгромленного кабинета в полутемную парадную галерею второго этажа над центральным холлом.

Здесь было холодно. Снизу, из разбитых витражей первого яруса, тянуло сырым ветром и дождевой моросью. По стенам галереи висели старинные портреты предков рода Светловых в тяжелых рамах — надменные взгляды, бессильные перед новым хозяином города.

Родион довел ее до конца галереи — к высокому стрельчатому окну с витражной розеткой. Здесь он остановился, развернул Веронику лицом к себе и вжал ее спиной в массивный подоконник из белого уральского мрамора.

Холод камня мгновенно обжег поясницу. Но куда страшнее был жар, исходивший от нависающего над ней мужчины.

Казанцев перекрыл собой все пространство. Его гигантские плечи закрыли свет свечей, превратив его фигуру в монументальный черный силуэт. Расстояние между их лицами сократилось до ширины ладони. Вероника слышала его тяжелое дыхание, пахнущее табаком, черным кофе и перечной мятой, видела каждую темную щетинку на гранитной челюсти и леденящий блеск серо-зеленых глаз.

— Условия пакта изменились, Светлова, — его голос опустился до интимного вибрирующего полусшепота. — В ту самую секунду, когда ты решила закрыть собой своего ничтожного отца.

Вероника сжала зубы так, что заболели желваки. Ее подбородок взметнулся с отчаянным вызовом:

— Ты не имеешь права диктовать мне условия! Моя семья проиграла экономическую войну, забирай активы и убирай-

ся вон! Мы встретимся в арбитражном суде!

Родион издал короткий смешок, похожий на треск ломающегося льда:

— В этом городе нет суда, кроме моего слова. Твой отец жив только потому, что я позволил ему дышать. Твой брат не лежит на дне карьера с простреленными коленями только потому, что мне лень пачкать пули о такую падаль. Но долг твоего клана измеряется не только миллиардами. Вы посягнули на мою территорию. Вы попытались перекрыть мне кислород. И за это платят кровью.

— И ты решил упиваться местью?! — прошипела она, задыхаясь от ярости. — Кем ты хочешь меня сделать, Казанцев?! Своей карманной шлюхой?! Трофейной куклой, которую ты будешь бросать на потеху своим цепным псам на совете кланов?!

Родион медленно покачал головой. В глубине его зрачков плясали опасные тени:

— Не льсти себе, Светлова. Для постели у меня есть выбор из сотен женщин по первому щелчку пальцев. Мне не нужна сломанная рабыня. Ты поедешь со мной в качестве личной заложницы перемирия.

— Заложницы?..

— Именно. Живой гарантией того, что уцелевшие шакалы твоего рода не вздумают заложить мину под мои терминалы или всадить нож в спину моим людям. Пока ты в моих руках — твой отец сидит в этом доме и пьет свой коньяк.

Пока ты под моим присмотром — твой брат бежит по заграницам и тратит свои жалкие гроши. Но если на моих объектах пострадает хоть один человек... я лично приду за тобой. Ты будешь жить в моей цитадели. Дышать моим воздухом. Сидеть за моим столом. И беспрекословно выполнять мои приказы.

— Никогда, — Вероника вжалась спиной в мрамор, ее янтарные глаза сверкнули диким пламенем. — Я лучше выброшусь из этого окна прямо на камни, чем поеду с тобой добровольно! Я лучше перережу себе горло осколком стекла, чем позволю тебе коснуться меня хотя бы пальцем!

Лицо Родиона не дрогнуло, но воздух между ними словно натянулся высоковольтной дугой.

Он сделал полшага вперед.

Его мощное бедро в плотной шерсти брюк бесцеремонно вклинилось между ее коленей, сминая подол темно-бордового платья и намертво прижимая ее таз к холодному подоконнику. Вероника судорожно вдохнула, ошеломленная этой первобытной сокрушительной физической плотностью. Он подавлял ее всем своим существом — весом, жаром, нечеловеческой плотностью мускулов.

Не отводя взгляда от ее расширившихся зрачков, Родион зубами подцепил край перчатки на правой руке и медленно стянул ее с пальцев, бросив на мрамор.

Его обнаженная ладонь оказалась огромной, с широким запястьем и загруbevшими мозолями от боевого оружия.

Тяжелый горячий большой палец Родиона коснулся ее подбородка и с тягучим нажимом поднялся к ее нижней губе. Грубая подушечка надавила на нежную алую плоть, слегка приминая ее, заставляя губы Вероники приоткрыться.

По телу девушки от этого прикосновения прокатилась чудовищная волна. Разряд тока ударил прямо в солнечное сплетение, колени предательски ослабли, а глубоко внизу живота вспыхнул темный спазматический огонь, испугавший ее сильнее дул автоматов. Это было безумием: ее тело, вопреки разуму и ненависти, отзывалось на властное прикосновение захватчика мучительным, тягучим жаром.

Родион почувствовал эту дрожь. Его серо-зеленые глаза потемнели до цвета ночной хвои, зрачки расширились, поглощая свет.

— О постели речи не шло, Светлова, — его голос опустился до хриплого интимного шепота у самого ее рта. Горячее дыхание обожгло ее губы. — Ты залог мира, а не любовница. Но если однажды ты сама приползешь ко мне на коленях и будешь умолять коснуться тебя... я еще подумаю, достоин ли этот трофей моего внимания.

Унижение и ярость вскипели в крови Вероники единым испепеляющим вихрем. Никто на свете не смел так разговаривать с ней. Никто не смел смотреть на нее, как на покорную добычу, ждущую хозяйской милости.

Вероника перевела взгляд с его глаз на губы. Он принял это за растерянность — и оставил ей место для удара.

Ее правая рука, сжатая в тугой кулак, взметнулась снизу вверх с быстротой атакующей змеи.

Массивный фамильный перстень Светловых на ее пальце — граненый сокол из черного серебра с бритвенно-острым рантом — со свистом рассек воздух и с глухим хрустом врезался точно в нижнюю губу и угол гранитной челюсти Казанцева.

Удар был нанесен со всей яростью ее поруганного рода, от плеча, с вложением всей массы тела.

Голову Родиона резко мотнуло вправо.

На галерее повисла мертвая тишина. Даже ливень за окном словно замер перед содеянным.

Вероника тяжело дышала, ее костяшки пальцев пульсировали от тупой боли, серебряный металл перстня оцарапал ее собственную кожу. Она ждала, что сейчас этот титан переломит ей шею одним движением. Она была готова встретить смерть прямо здесь, на холодном мраморе под портретами предков.

Внизу лязгнули затворы: двое штурмовиков мгновенно вскинули стволы автоматов в сторону Вероники.

Родион медленно поднял левую руку с раскрытой ладонью:

— Назад! — рывкнул он, и этот рык был страшен в своей сдержанности. — Отставить, мать вашу! Всем оставаться на местах!

Оперативники застыли как вкопанные.

Родион медленно повернул лицо обратно к девушке.

На его рассеченной нижней губе лопнула кожа. Рана оказалась глубокой: острый рант сокола распорол плоть почти до десны. Из трещины выступила густая, темная капля крови. Она медленно набухла, сорвалась и поползла по его подбородку, оставляя яркий след на трехдневной щетине, прежде чем капнуть на белый воротник сорочки.

Вероника смотрела на эту кровь, не опуская подбородка, тяжело дыша через нос.

Но на лице Казанцева не было слепого бешенства.

На его губах расплылась медленная, хищная улыбка вожака волчьей стаи, встретившего добычу, способную выпустить когти и пустить кровь самому вожаку.

Родион провел кончиком языка по ране, слизывая собственную кровь, ощутил ее соленый железный привкус и заглянул ей в глаза с темным первобытным торжеством:

— Волчица. Клыкастая породистая сука. Превосходно. Терпеть не могу покорных овец.

Он отступил на полшага назад, выпуская ее из каменной ловушки подоконника, и достал платок, прижимая его к разбитой губе:

— У тебя ровно десять минут, Светлова.

Вероника с трудом удержала равновесие на ослабевших ногах, прислонившись к мрамору:

— Что?..

— Десять минут, — повторил он, и его голос снова стал

ледяным, деловым и беспощадным. — Ты поднимешься в спальню. Возьмешь паспорт и то, что поместится в один дорожный саквояж. Никаких фамильных драгоценностей — это теперь имущество холдинга. Только личное. Если через шестьсот секунд ты не будешь стоять на крыльце у моей машины... я прикажу залить этот дом бензином и поджечь вместе с твоим отцом и братом.

Он опустил платок, на котором расплывалось багровое пятно, и посмотрел на циферблат массивных часов:

— Девять минут пятьдесят секунд, Вероника. Время пошло.

Глава 3

Старинный кожаный саквояж коньячного цвета закрылся с сухим щелчком латунного замка.

Вероника замерла посреди своей спальни, глядя на тяжелую сумку на кровати. Восемь минут. Ей понадобилось ровно восемь минут, чтобы упаковать в потрепанную кожу двадцать три года своей прежней жизни.

Она не взяла ни фамильных коле, ни золота, ни дизайнерских платьев, оставшихся висеть безмолвными рядами в гардеробной. В саквояж легли лишь паспорт, красный диплом института реставрации, потертый альбом детских набросков, серебряная икона Богородицы — память о покойной матери — и две смены самого простого белья с теплым кашемировым свитером.

Комната ее детства с высокими белыми потолками, старинным туалетным столиком и тонким ароматом сушеной лаванды уже казалась чужой, словно покинутой сотню лет назад. Прошрое осыпалось пеплом прямо под ногами, не оставляя права на жалость к себе.

Вероника накинула темно-серый непромокаемый плащ, затянула пояс на тонкой талии и взяла саквояж. Ручка из толстой кожи легла в ладонь привычной тяжестью. Она не обернулась ни разу, переступая порог.

Когда она спустилась по мраморным ступеням в цен-

тральный холл, тишина в доме стояла могильная. Двое автоматчиков молча замерли у входных дверей черными изваяниями, держа оружие на груди.

У подножия лестницы на нижней ступени сидел Глеб Светлов. Перед ним на паркете валялась подписанная черная папка — теперь все порты, заводы и земля клана принадлежали чужаку. Старик прятал лицо в ладонях, сквозь скрюченные пальцы текли беззвучные слезы, капая на смятый шелковый манжет.

Рядом стоял Вадим, судорожно прижимая к груди сумку с деньгами обеими руками, словно спасенную жизнь. Штурмовики Родиона даже не притронулись к его добыче — они просто проигнорировали его существование с тем брезгливым презрением, с каким волки смотрят на суетливых навозных жуков.

Услышав шаги сестры, Вадим поднял глаза, полные трусливой суеты:

— Ника... Ты это... не поминай лихом. Тебе ведь там ничего не сделают, правда? Казанцев баб вроде без причины не убивает. Посидишь у него в поместье годик, пока мы со стариком переберемся за границу, устроимся в Швейцарии... Ты же сильная, ты всегда умела выкручиваться.

Вероника остановилась на предпоследней ступени, глядя на брата с бесконечной, вымораживающей пустотой. В этой пустоте больше не было боли — лишь осознание абсолютно-го предательства.

— Отец, — негромко позвала она.

Глеб медленно поднял голову. Глаза старика были красными, воспаленными, в них не осталось ни тени прежней воли:

— Прости меня, дочка... Прости старика... У меня не было выбора. Если бы я не подписал, он бы пустил нас под нож... Всех до единого... Он бы сжег Светлые Вязы дотла...

— Выбор есть всегда, отец, — тихо произнесла Вероника. Каждое ее слово падало в тишину зала ледяной каплей, заставляя старика вздрагивать. — Ты выбрал спасти свои полусгнившие кости ценой собственной дочери. А ты, Вадим, продал меня за сумку с мятыми долларами.

Она сошла на мраморный пол и расправила плечи:

— Запомните эту ночь. С этой секунды у вас больше нет ни дочери, ни сестры. Мой род умер здесь сегодня. И вы похоронили его своими собственными руками.

Она не стала слушать судорожные всхлипы отца и жалкое бормотание брата. Твердым шагом Вероника прошла мимо застывших штурмовиков, и старший боец молча толкнул перед ней массивную створку парадной дубовой двери.

Холодный штормовой ливень обрушился на нее в ту же секунду, едва она ступила на крыльцо.

Ветер рванул полы плаща, ледяные струи ударили в лицо, выбивая каштановые пряди из ленты. Вероника сбежала по мокрым ступеням прямо к широкому подъездному кругу.

Там, разрезая тьму мощными лучами прожекторов, сто-

или три черных бронированных внедорожника. Их огромные двенадцатицилиндровые двигатели утробно рокотали на холостых оборотах, выбрасывая в морозный воздух клубы пара. Мощные протекторы грязевой резины были покрыты мокрой глиной.

У распахнутой задней двери центральной машины стоял Родион Казанцев.

Дождь хлестал по его темным волосам и запекшейся ране на губе, но он стоял неподвижно, придерживая массивную бронированную дверь толщиной в пятнадцать сантиметров.

Его волчий взгляд встретил ее еще на крыльце и не отпускал ни на миг.

— Девять минут сорок секунд, — произнес он, перекрывая вой ветра. — Садись в машину, Светлова.

Вероника подошла вплотную, чувствуя исходящее от него суровое тепло, пахнущее можжевельником и дождем. Не подав руки, она шагнула в салон и опустилась на широкое кожаное сиденье, поставив саквояж на колени.

Родион забрался следом. Внедорожник заметно качнулся под его колоссальной массой. Он перехватил массивную внутреннюю ручку и с глухим усилием потянул створку на себя.

Дверь захлопнулась с тяжелым звуком герметичного шлюза подводной лодки. Щелкнули пневматические доводчики, сервоприводы запечатали засовы.

И внешний мир исчез.

Шум шторма, рев ветра и ливня смолкли, словно срезанные ножом. В салоне воцарилась вакуумная, зловещая тишина.

Здесь царил полумрак. Янтарная контурная подсветка струилась по карнизам дверей и потолку из черной алькантары. Воздух был сухим, теплым и насквозь пропитанным личным ароматом хозяина: горьким можжевельником, сигарным листом, кожей Napra и тонким привкусом опасности.

Казанцев сидел рядом, всего в полуметре. Он сбросил промокшее пальто в ноги, расстегнул пуговицы жилета. Под тонкой сорочкой перекачивались мощные грудные мышцы. На шее ритмично пульсировала артерия, а на нижней губе багровела ссадина от ее серебряного перстня.

Он достал сухой платок из консоли, коротко прижал к ране и скомкал ткань в кулаке.

Внедорожник мягко тронулся с места. Мощное ускорение вдавило Веронику в спинку кресла. В бронированных стеклах мелькнули разбитые ворота усадьбы, брошенные укрепления и оцепление бойцов, отдававших честь проезжающему кортежу.

Родион повернулся к ней, положив тяжелую руку на спинку дивана позади ее плеч, физически отрезая любое пространство:

— Оглянись, Вероника. В последний раз.

Она смотрела прямо перед собой — в темную перегород-

ку водительского отсека.

— Мне не на что смотреть, — ответила она, вцепившись в ручку саквояжа. Кожа скрипнула под пальцами, и она положила поверх них вторую ладонь. — Мой дом умер в тот момент, когда отец упал перед тобой на колени.

Родион тихо усмехнулся. В его усмешке сквозило мрачное уважение к ее стойкости:

— Твой отец был слаб всегда. Он держался лишь на авторитете предков. Но в тебе течет кровь старого волка. Я вижу это по твоим глазам. Ты не скулишь о пощаде.

Он подался вперед, сокращая дистанцию. Горячее дыхание скользнуло по ее обнаженной шее, заставляя кожу покрыться мурашками:

— Запомни эту минуту, девочка. Твоя прежняя жизнь окончена. Ты больше не наследница клана. С этой ночи ты принадлежишь мне. Твое тело, твое время, твое дыхание — все это теперь под моим контролем. Ты будешь спать там, где я прикажу, есть то, что я поставлю на стол, и носить то, что я выберу.

Вероника повернула голову, встречая его волчий взгляд в упор. Ее янтарные глаза горели чистым неистовым пламенем:

— Ты можешь запереть меня за броней, Казанцев. Можешь приставить сотню автоматчиков. Можешь раздеть догола или нарядить в золото. Но ты никогда не получишь мою душу. И никогда не заставишь меня склонить голову. Я буду

ненавидеть тебя до последнего вздоха.

Родион смотрел на нее не мигая. Серо-зеленые глаза сузились, на скулах вздулись желваки. Но вместо ярости в его взгляде вспыхнуло пьянящее пламя самца, встретившего женщину, чей дух невозможно сломать приказом.

— Ненавидь, — его рокочущий шепот пробрал ее до самых костей. — Ненависть держит крепче любой надежды. Ярость идет тебе куда больше покорности. Но запомни: в моем мире выживают только по моим законам. И если ты вздумаешь испытать мое терпение... расплата тебе не понравится.

Он откинулся назад, закрыв глаза.

А кортеж, рассекая ливень, с бешеной скоростью уносил заложницу в сосновые леса, навстречу неприступным скалам Кедровой Цитадели.

Глава 4

Горный серпантин взбирался все выше, петляя среди вековых корабельных сосен и отвесных гранитных скал. Асфальт здесь был мокрым и черным, как обсидиановое зеркало, а за крутыми обрывами без перил зияла сплошная бездна, над которой клубился седой осенний туман.

Через сорок минут бешеной гонки кортеж вылетел на широкое скальное плато, зажатое между двумя базальтовыми утесами.

Впереди высился главный форпост. Монолитная стена из серого гранита толщиной метра в три венчалась тяжелыми коваными решетками с острыми стальными пиками и витками армированной колючей ленты. Сверху, с бронированных вышек, территорию методично прошупывали мощные поворотные прожекторы, заливая камень белым хирургическим светом.

Стальные створы ворот с низким гидравлическим гулом медленно разошлись в стороны. Трое вооруженных бойцов в черной штурмовой форме с нашивками сжатого кулака — эмблемой клана Казанцевых — синхронно приложили ладони к шлемам, пропуская кортеж хозяина.

Машины миновали скальный туннель и выкатились на гигантский вымощенный плитами плац перед самой цитаделью.

У Вероники перехватило дыхание, когда она увидела крепость сквозь тонированное стекло.

«Кедровая Цитадель» подавляла своим первобытным величием. Это не был роскошный загородный дворец с лепниной — настоящая крепость, выросшая прямо из скалистого мыса над бушующим черным озером. Нижний ярус был сложен из гранитных валунов грубой тески, а верхние этажи венчал колоссальный сруб из векового сибирского кедра. Бревна толщиной в обхват потемнели от дождей, придавая замку вид мрачного норвежского драккара над бездной.

Внизу, метрах в пятидесяти под отвесным обрывом, с глу-

хим ревом разбивались о гранит тяжелые озерные волны, выбрасывая в ночной воздух шлейфы ледяной пены.

Внедорожник затормозил у широких базальтовых ступеней входа.

Дверь со стороны Родиона распахнулась снаружи. В проеме возник сухощавый мужчина лет сорока с глубоким шрамом через всю левую скулу и неживыми глазами матерого волкодава.

— С возвращением, Родион Андреевич, — сухо доложил начальник службы безопасности Герман, известный по кличке «Тень». — Периметр зачищен, катера на дежурстве. В городе тихо. Старик Светлов подписал последние акты, юристы закрывают регистрацию. Покои на втором ярусе подготовлены.

— Добро, Герман, — Родион выбрался из машины, расправив широкие плечи. На ледяном ветру с озера его растегнутая сорочка мгновенно натянулась на мускулистом торсе, но он словно не чувствовал холода.

Он обошел массивную корму машины и распахнул пассажирскую дверь Вероники.

Ветер с озера ворвался в теплый салон, обдав девушку морозной свежестью, запахом хвои и тяжелой воды.

Родион протянул ей раскрытую ладонь — жест вежливый, но в глазах плясала насмешливая сталь:

— На выход, Светлова. Твое новое пристанище ждет.

Вероника посмотрела на его протянутую руку, затем на

мокрый камень под дверью. Перехватив саквояж левой рукой, она шагнула на влажные плиты плаца самостоятельно, даже не коснувшись его пальцев.

Едва ее ноги коснулись камня, яростный порыв ветра сорвал бархатную ленту с ее волос.

Густые каштановые волны с медовым отливом мгновенно рассыпались по плечам и спине до самой поясницы. Вероника вздернула подбородок, глядя на грозную громаду цитадели с несгибаемым бесстрашием. Ее хрупкая фигура в развевающемся плаще казалась былинкой на фоне циклопических стен, но в янтарных глазах не было ни капли смирения.

Родион замер на секунду, глядя на нее. Серо-зеленые глаза потемнели, зафиксировав эту картину: гордая дочь врага среди штормовой ночи, с разметавшимися волосами и пылающим дерзким взглядом. Его челюсти сжались, а запекшаяся кровь на губе натянулась тонкой нитью.

— Герман, — бросил Родион, не отрывая взгляда от девушки. — Усилить посты на причале. Проверить оптику на южном склоне.

— Будет исполнено, — Тень кивнул и отошел к охране.

Пока Родион смотрел вслед Герману, Вероника успела опустить руку в карман.

Этого времени Веронике хватило.

Ее сердце оборвалось и бешено заколотилось в горле. В кармане плаща она нащупала гладкий корпус смартфона. Пальцы двигались с лихорадочной быстротой — она знала

свой телефон наизусть.

Слепой ввод: два нажатия на боковую клавишу, разблокировка сенсором, вызов экстренной команды. Ее цель была отчаянной — отправить сообщение с текущей геолокацией Полине, близкой подруге и независимому адвокату:

«Казанцев захватил меня. Заложница перемирия. Скалы над озером, цитадель...»

Она уже нащупала виртуальную клавишу отправки, экран смартфона в глубине кармана тускло блеснул синеватым светом...

И в эту долю секунды чудовищная железная хватка сомкнулась на ней капканом.

Огромная горячая ладонь Родиона нырнула прямо в карман ее плаща.

Его пальцы намертво сдавили тонкое запястье, сминая кости с такой беспощадной силой, что в глазах Вероники полыхнули белые искры. Руку свело острой судорогой, и телефон выскользнул из ослабевших пальцев.

— А-ах!.. — не сдержавшись, вскрикнула она от боли.

Родион сжал ее руку еще сильнее, заставив девушку податься вперед и уткнуться грудью в его твердое плечо. Свободной рукой он выдернул аппарат из кармана на свет прожекторов.

Он даже не взглянул на экран, на котором мигала строчка экстренного сообщения.

Его лицо оставалось неподвижным, но в серо-зеленых гла-

зах клубилась темная гроза.

— Наивная, глупая девочка, — произнес он, и в его низком баритоне послышался металлический скрежет. — Решила вызвать кавалерию в мою берлогу?

Вероника тяжело дышала, глядя ему в лицо снизу вверх. Ее запястье пульсировало адской болью, но она не отвела глаз:

— Отдай! Ты не имеешь права держать меня в изоляции!

Казанцев криво усмехнулся разбитыми губами.

Он медленно разжал пальцы, выпуская ее ноющее запястье, но телефон остался в его руке.

Глядя ей прямо в глаза, Родион небрежным движением разжал хватку и позволил дорогому аппарату упасть на мокрые базальтовые плиты прямо у бордюра лестницы.

Смартфон с глухим стуком ударился о камень, экран треснул паутиной.

А в следующее мгновение Родион поднял ногу в тяжелом армейском ботинке и всем своим почти стокилограммовым весом обрушил рифленый каблук точно в центр корпуса.

Раздался сухой хруст кремния, титана и стекла. Аккумулятор лопнул с шипением, выбросив струйку едкого сизого дыма и сноп ядовито-белых искр. Родион с тяжелым нажимом провернул подошву на камне, втирая осколки в базальтовую крошку и превращая телефон в бесформенное месиво.

Вероника замерла, глядя на черную гарь под его ногой.

Последняя нить с прежней жизнью была уничтожена за две секунды.

Она подняла глаза, полные слепящей ненависти:

— Ты зверь... Дикарь и палач.

— Я хозяин этого берега, Светлова. — Родион стряхнул стеклянную пыль с носка ботинка. Вероника проводила взглядом осколок, упавший к ее ногам, и отступила, когда он снова протянул руку. — Твой внешний мир перестал существовать в ту секунду, когда ты села в мой внедорожник. У тебя больше нет друзей, адвокатов и звонков. Твой единственный контакт с реальностью отныне — я. Твоя защита — я. Твой закон и судья — тоже я. И если тебе что-то понадобится, ты придешь и попросишь об этом меня. Лично.

Он повернулся и широким властным жестом указал на массивные дубовые порталы цитадели:

— Входи в дом.

Вероника вскинула подбородок. Перехватив саквояж здоровой рукой, она поднялась по базальтовым ступеням и переступила порог.

Внутри цитадель встретила ее сухим ароматом векового кедра, смолы и горящих березовых поленьев.

Центральный холл поражал своими масштабами. Потолки уходили в темноту на высоту трех этажей, массивные кедровые балки поддерживали верхние ярусы галерей. В огромном камине из дикого речного сланца ревел жаркое пламя, отбрасывая золотые отсветы на шкуры полярных волков на

темном паркете. На стенах не было дешевого золота — лишь коллекционное холодное оружие, кованые светильники и тяжелая мебель из темного массива.

Родион вошел следом. Тяжелые дубовые двери за его спиной захлопнулись, отрезая вой озерного ветра.

Он остановился у подножия широкой кедровой лестницы, ведущей на второй ярус. Его массивная фигура в расстегнутом жилете казалась продолжением этой суровой крепости.

Казанцев заложил руки в карманы брюк и посмотрел на Веронику сверху вниз с тяжелой властью во взгляде:

— Твоя комната на втором этаже. Прямо по галерее, напротив моих покоев. Там есть все необходимое. Прими душ, согрейся и ложись спать.

Вероника медленно повернулась к нему, сжимая ручку саквояжа:

— И я могу закрыть эту дверь на ночь?

На губах Родиона расплылась медленная хищная полуулыбка, обнажившая белые крепкие зубы. Его серо-зеленые глаза насмешливо сверкнули в отблесках каминного пламени:

— В этой цитадели нет замков, Светлова. Ни на одной внутренней двери. В моем доме нет комнат, закрытых от меня. Я вхожу туда, куда считаю нужным, и тогда, когда захочу.

Он шагнул ближе, так что его тень накрыла ее с головой, и голос его опустился до опасного рокота:

— Привыкай спать чутко, заложница. Завтра начнется

ТВОЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Глава 5

Холодный рассвет просачивался сквозь портьеры цвета гранита, разрезая полумрак спальни стальными полосами. За бронированным стеклом рокотал ветер, срывая с вековых кедров хвою и швыряя ее в свинцовую рябь озера. Вода у подножия скалы кипела белесой пеной.

Вероника не спала. Всю ночь она провела в кожаном кресле у камина, подтянув колени к груди и сжимая кулаки. Колечее дорожное платье пахло вчерашним ливнем и чужими духами. Каждый раз, поправляя подол, она вспоминала, как захлопнулась дверь броневика. Ноги в сапогах затекли, поясницу ломило, но лечь на огромную постель под шелковым покрывалом она не позволила себе ни на секунду.

Сдаться комфорту означало признать плен. Признать, что вчерашняя ночь растоптала имя Светловых и превратила ее в вещь, переданную по акту капитуляции.

На безымянном пальце правой руки тускло блеснул массивный фамильный перстень из черного серебра с рельефной гравировкой родового сокола. Тот самый, граненой печаткой которого она вчера рассекла губу Родиону Казанцеву на галерее отцовского особняка. Она помнила этот миг с пугающей отчетливостью: глухой звук удара, треснувшая кожа, капля густой крови на его гранитном подбородке — и его глаза. Он улыбнулся разбитым ртом, и ей пришлось от-

ступить: ее удар только раззадорил его.

«Уважение побежденных мне не нужно, Светлова. Мне нужна ты».

Его низкий вибрирующий рокот до сих пор стоял в ее ушах, глуша шум таежной бури за окном.

В коридоре слышались торопливые шаги, затем шорох колесиков по паркету. Дверь спальни — массивная, из кедра, с пустым гнездом вместо замка — бесшумно приоткрылась.

На пороге замерла пожилая сухопарая женщина в строгом черном платье с белоснежным накрахмаленным воротником. За ее спиной жались две молоденькие горничные в серых форменных юбках, с трудом удерживая хромированный передвижной рейл, сплошь увешанный чехлами с одеждой.

— Доброе утро, Вероника Глебовна, — с подчеркнутой учтивостью произнесла женщина, склонив аккуратно причесанную седую голову. В ее голосе сквозило спокойствие, за которым пряталась настороженность. — Меня зовут Марфа. Хозяин распорядился обустроить вас со всеми удобствами. Здесь гардероб на первое время, обувь, белье. Все мерки сняты по архивным карточкам столичных ателье. Если что-то не подойдет, портной прибудет к полудню.

Горничные торопливо вкатили вешалку в центр спальни. Один из чехлов растянулся, и Вероника увидела струящийся темно-изумрудный шелк закрытого платья, нежнейший кашемировый джемпер цвета топленого молока, короб-

ки с тонким кружевом и туфли на мягкой замшевой подошве.

Вся эта показная барская забота отозвалась в груди Вероники обжигающей, ядовитой волной тошноты.

Она опустила ноги на пол и встала. Колени задрожали от онемения, но она выпрямила спину с той надменностью, словно стояла в парадном зале родового имения.

— Уберите это, — тихо, но с ледяной отчетливостью произнесла она.

Марфа моргала, словно не расслышав:

— Простите?

— Я сказала: убирайтесь вон отсюда вместе с этим тряпьем, — повысила голос Вероника, и в ее янтарных глазах полыхнули злые искры. — Передайте вашему хозяину, что я не наемная фаворитка и не купленная кукла. Я не стану носить его подарки и не позволю обряжать себя в шелка ради его прихоти.

— Вероника Глебовна, — в голосе экономки прорезались тревожные нотки, — Родион Андреевич не терпит пререканий. Он лично велел проследить, чтобы к завтраку вы были одеты подобающим образом. Ваша дорожная одежда...

Вероника шагнула вперед. Ее пальцы вцепились в стойку рейла. Одним резким толчком она опрокинула конструкцию на ковер. Вешалки с шелестом разлетелись, шелковые подошвы накрыли коробки, звякнул металл.

Горничные испуганно ойкнули, прижимая руки к груди.

Марфа отшатнулась к дверному проему, стремительно бледнея.

— Я повторяю последний раз: пошли вон! — отрезала Вероника, тяжело дыша. — И если в этом проклятом доме осталась хоть капля человеческого достоинства, принесите мне ключ от этой комнаты. Я требую закрыть дверь!

— В моем доме двери не закрываются, Светлова.

Низкий, глухой голос ударил по нервам тяжелой звуковой волной, заставив воздух в комнате мгновенно сгуститься до духоты.

Прислуга мгновенно вжалась в стены, опустив глаза в пол. В дверном проеме стоял Родион Казанцев.

Он не надел костюм. На нем были свободные темно-серые брюки из мягкой шерсти и простая льняная рубашка графитового цвета, расстегнутая на две верхние пуговицы. Рукава были закатаны до локтей, обнажая мощные жилистые предплечья с проступающими венами и полосами боевых шрамов. От него пахло морозным ветром, горькой хвоей и крепким кофе.

Но первое, во что впился взгляд Вероники — его лицо. Четкие гранитные черты, жесткая щетина на квадратной челюсти и темная корка запекшейся крови на рассеченной губе. Он носил след ее удара открыто, с демонстративным спокойствием победителя.

Его серо-зеленые глаза, холодные и тяжелые, как глубинная озерная вода, скользнули по опрокинутым вешалкам, за-

тем медленно поднялись к Веронике — задерживаясь на ее помятом шерстяном платье, сбившихся волосах и лихорадочном румянце на бледных щеках.

— Марфа, — не повышая голоса, произнес он, даже не глядя на экономку. — Оставьте нас. И закройте за собой двери в галерею.

Женщины выскользнули из спальни так бесшумно и стремительно, словно испарились в воздухе. Щелкнула дальняя створка коридора, отрезая комнату от остального особняка. Они остались одни.

Родион переступил порог. Его мягкие шаги по ковру не издавали звука, но Вероника почувствовала приближение этой горы мышц каждым нервом. Воздух вокруг него казался наэлектризованным, раскаленным до предела.

Она не отступила ни на миллиметр, хотя сердце в груди колотилось так бешено, что виски пульсировали тупой болью.

— Ты пришел лично полюбоваться на свой трофей? — процедила она сквозь зубы, вызываяще вздергивая подбородок. — Можешь не стараться, Казанцев. Твои шелка будут гнить на этом полу. Я не стану твоей ручной птицей.

Родион остановился в трех шагах от нее. Его рост подавлял: со своими ста семьюдесятью сантиметрами Вероника доставала ему макушкой до подбородка.

— Ты слишком много кричишь с самого утра, Светлова, — медленно, с бархатной хрипотой в голосе произнес он. —

Береги связки. Они тебе еще понадобятся.

— Мне не о чем с тобой разговаривать! — бросила она, чувствуя, как внутри закипает бессильное бешенство. — Отдай мне ключи от этой комнаты! Я заложница перемирия, а не твоя наложница! По негласному кодексу кланов я имею право на личную неприкосновенность и закрытую дверь!

На губах Родиона промелькнула темная усмешка. Он неторопливо опустил руку в карман и вытащил тяжелую латунную связку ключей на стальном кольце. Металл тускло блеснул в сером свете утра.

Вероника невольно подалась вперед, протягивая руку.

Казанцев даже не посмотрел на ее движение. Он развернулся, сделал два широких шага к гранитному portalу камина, где среди золы еще теплились крупные сосновые угли, и просто разжал пальцы.

Связка с глухим звоном рухнула прямо в огонь.

Посыпались золотистые искры. Металл зашипел, пламя охватило кожаный ремешок, и латунные зубцы начали покрываться матовой копотью.

Вероника замерла, широко распахнув глаза:

— Ты... что ты наделал?!

Родион повернулся к ней, засунув пальцы за ремень. Его фигура на фоне тлеющих углей казалась отлитой из чугуна:

— Запомни раз и навсегда, Вероника. В этой крепости нет замков от меня. Нет дверей, которые ты сможешь запереть на засов. Каждая пядь этой скалы принадлежит мне. И ты

принадлежишь мне тоже, пока твой отец и трусливый братец отрабатывают долги своего рода.

— Я никогда не буду принадлежать тебе! — выкрикнула она, теряя остатки контроля.

Слепая, безрассудная ярость сорвала все внутренние предохранители. Вероника бросилась к нему, вскидывая кулаки, намереваясь ударить его в грудь, оцарапать, выбить из этого каменного истукана хоть каплю человеческой реакции.

Но Родион даже не шелохнулся.

Едва ее кулаки приблизились к его рубашке, его горячая ладонь молниеносно перехватила оба ее тонких запястья, сжав их в железный капкан. В ту же секунду вторая рука — тяжелая и сильная — легла на ее талию и сгребла ее, притянув вплотную к своему телу.

Вероника сдавленно ахнула.

Ее грудь врезалась в его каменную грудь. Она всем телом ощутила раскаленный жар его мышц, твердость его бедер и размеренный ритм его сердца. Запах можжевельника и табачного листа заполнил легкие.

Она попыталась вывернуться, но его хватка была абсолютной.

— Пусти... пусти немедленно, зверь! — задыхаясь, прошептала она, запрокидывая голову.

Родион навис над ней. Его лицо замерло в считанных сантиметрах. Вероника видела крапинки в глубине его серо-зеленых радужек, шрам на брови и трещинку на губе, где за-

пеклась его кровь. Его зрачки расширились.

— Послушай меня очень внимательно, девочка, — выдохнул он прямо в ее приоткрытые, дрожащие губы, овеивая их обжигающим дыханием. — Я не трону тебя силой, пока ты сама не взмолишься об этом. Но мои правила в этом доме соблюдаются беспрекословно.

Его пальцы на ее талии сжались чуть сильнее, заставляя ее прогнуться в пояснице:

— К полудню этот хлам уберут, — его голос стал бархатным, вкрадчивым, отчего по спине Вероники прокатилась волна мурашек. — А ты наденешь изумрудное платье и спустишься вниз. Если в двенадцать ты останешься в дорожных лохмотьях, я вернусь. И сниму их сам. До единой нитки. И оставлю ходить по дому голой, пока ты не научишься слушаться. Ты поняла меня?

Вероника смотрела в его волчьи глаза, чувствуя, как по горлу поднимается сухой, колючий комок. Он посмотрел на часы, словно уже вписал возвращение в свой распорядок. Вероника почувствовала, как слабеет сопротивление, и от этого захотела ударить его снова.

Ее губы мелко задрожали, но в янтарных глазах не погас огонь:

— Ты чудовище, Казанцев.

— Я знаю, — коротко усмехнулся он.

Родион резко разжал пальцы, отпуская ее руки. Лишившись опоры, Вероника качнулась назад и тяжело опустилась

на край постели, судорожно прижимая к груди онемевшие запястья, на которых уже наливались темные полосы от его пальцев.

Казанцев не стал задерживаться ни на секунду. Развернувшись на пятках, он широким шагом пересек комнату и вышел в коридор, оставив дубовую дверь распахнутой настежь.

Вероника осталась сидеть на краю постели в звенящей, гулкой тишине. В камине чернели латунные ключи; догорал кожаный ремешок, пахло паленой кожей.

А на полу, прямо у ее ног, лежал темно-зеленый шелк платья, манивший своим прохладным, чужим блеском.

Глава 6

К семи часам вечера за панорамными окнами «Кедровой Цитадели» сгустилась непроглядная, глухая тьма. Ветер, разгулявшийся над озером, выл в кронах вековых кедров с удвоенной яростью, бросая в толстые бронированные стекла пригоршни тяжелых холодных капель. Особняк казался отрезанным от всего мира гранитным бастионом, затерянным среди диких скал и бушующей воды.

Вероника спустилась по кедровой лестнице, ступая бесшумно, точно дикая кошка.

В полдень она все-таки надела изумрудное шелковое платье. Ужин, к которому Марфа позвала ее в семь, стал вторым приказом за этот день. Глухой ворот-стойка плотно облегал шею, длинные рукава доходили до запястий, скрывая следы утренних пальцев Казанцева, а тяжелый подол струился до пола. Она застегнула последнюю пуговицу, скрыв синяки. Пусть смотрит на дорогой шелк; следы своих пальцев он сегодня от нее не увидит. Платье сидело безупречно, подчеркивая талию, изгиб бедер и высокую грудь. Густые каштановые волосы она собрала в гладкий узел на затылке, оставив открытыми бледные скулы.

В парадной столовой первого яруса потрескивал камин, сложенный из дикого серого булыжника. В воздухе витал густой, дурманящий аромат жареного на углях мяса, свежего розмарина, терпкого можжевельника и тяжелого выдержанного вина.

Во главе пятиметрового стола из мореного дуба сидел Родион.

Он сменил дневную рубашку на тонкий черный пуловер с расстегнутым воротом, под которым угадывалась мощная, литая рельефность грудных мышц. Перед ним стоял тяжелый хрустальный бокал с рубиновой жидкостью. Заметив ее появление, он медленно поднял глаза.

Его взгляд — тяжелый, раздевающий — скользнул по ее фигуре от прически до туфель. В глубине зрачков вспыхнул отблеск пламени, от которого у Вероники под шелком напряглась кожа.

— Ты опоздала на три минуты, Светлова, — негромко произнес он, не меняя позы. — Но выбор цвета одобряю. Этот изумруд делает твои глаза по-настоящему опасными.

Вероника проигнорировала комплимент. Она прошла вдоль длинного стола и нарочито демонстративно села на самый дальний от него стул — на расстоянии добрых четырех метров, у противоположного торца.

Пожилая Марфа, безмолвной тенью стоявшая у буфета, тут же наполнила серебряную тарелку перед Вероникой: нежнейшее каре ягненка с золотистой хрустящей корочкой, печеный перец, ломти свежего хлеба с темным зерном. В хрустальный бокал полилось густое вино.

— Можете идти, Марфа, — бросил Родион через плечо.

Экономка бесшумно поклонилась и растворилась в полумраке галереи. Дверь закрылась, оставив их вдвоем среди мерцающих отблесков огня и глухого рокота бури.

Вероника не притронулась к приборам. Она сложила руки на коленях, выпрямила спину и уставилась в темное стекло окна, делая вид, что мужчины за столом не существует.

Прошла минута. Другая.

Тишину нарушал лишь треск смолистых кедровых поленьев да негромкий стук хрустального бокала, который Роди-

он лениво крутил в своих широких пальцах.

— Ты собираешься есть, Вероника? — в его рокочащем голосе прозвучали первые нотки опасной скуки.

— Нет, — коротко и холодно ответила она, даже не повернув головы.

Родион медленно отставил бокал. Ножка хрусталя глухо ударила по полированному дубу.

— И в чем причина твоего нового бунта? Мясо недостаточно прожарено? Или благородная наследница Светловых брезгует ужинать за одним столом с захватчиком?

Вероника повернулась к нему. Ее янтарные глаза полыхнули чистым, незамутненным презрением:

— Я не стану есть пищу, купленную на кровь и пепел моего дома. Можешь морить меня голодом, Казанцев. Можешь посадить на хлеб и воду в сырой подвал. Но делать вид, будто мы играем в великосветский ужин двух равных сторон, я не буду. Ты украл меня силой. Но заставить меня жрать из твоих рук ты не сможешь.

Родион не вспылil. Напротив, его гранитное лицо приобрело выражение абсолютной, ледяной сосредоточенности, от которой у любого опытного бойца перехватило бы горло.

Он поднялся со своего кресла.

Его фигура отбросила на стену столовой гигантскую тень. Не отрывая от нее немигающего взгляда, он медленно пошел вдоль стола. Каждый шаг отдавался в паркете глухим ритмом.

Вероника почувствовала, как внутри всё сжалось. Пальцы вцепились в шелк юбки, но она заставила себя не отводить взгляда, не опускать подбородок и не вжиматься в стул. Она сидела как натянутая струна.

Родион обошел ее стул и остановился прямо за ее спиной.

Его присутствие накрыло ее, как грозовой фронт. От него пахло кожей, можжевельником и табаком. Тепло тела жгло ее шею сквозь ворот платья.

Прежде чем она успела вскочить, тяжелые горячие ладони Казанцева опустились на ее плечи.

Вероника вздрогнула. Пальцы сжали шелк, вдавливаясь в ключицы с непреклонной силой. Они удерживали ее на месте железным прессом. Затем его правая рука скользнула вверх по шее, подушечка большого пальца легла под челюсть, на сонную артерию.

Под его кожей бешеными, частыми толчками забился ее пульс.

— Ты дрожишь, Светлова, — его голос прозвучал прямо над ее ухом — низкий, бархатный, с вибрирующей хрипотой, от которой по позвоночнику Вероники пробежала обжигающая волна. Его горячее дыхание коснулось ее виска, шевельнув выбившийся каштановый завиток. — Твое тело выдает тебя с головой. Ты кричишь о гордости, но боишься меня так сильно, что твое сердце колотится, как у пойманной синицы.

— Убери руки... — глухо, едва разжимая сведенные судорогой челюсти, выдохнула она. — Не смей трогать меня...

— А кто мне запретит? — усмехнулся он у самого ее уха, и Вероника почувствовала, как его губы едва заметно мазнули по мочке ее уха. — Твой отец? Который вчера ползал на коленях и просил сохранить ему дом и никчемную шкуру? Или твой братец Вадим, сбежавший через черный ход с пачками ворованных денег?

Слова хлестнули сильнее пощечины. Вероника зажмурилась, стиснув зубы до скрежета:

— Ты подлец, Родион.

— Я реалист, — парировал он. — А реальность такова: ты заперта на моей скале. И пока ты здесь, ты подчиняешься моим законам. Я не позволю тебе морить себя голодом назло мне. Если ты заболеешь или сдохнешь, это будет значить, что Казанцев не способен сберечь даже собственную заложницу. А я никогда не роняю то, что взял в руки.

Его левая рука уперлась в край стола, нависая над ней всей массой тела, а правая потянулась вперед. Его пальцы взяли серебряную вилку с тарелки Вероники, подцепили небольшой кусочек сочного, истекающего соком мяса и поднесли его прямо к ее губам.

— Ешь, Вероника.

— Пошел к черту, — процедила она, плотно сжав губы.

Казанцев наклонился еще ниже. Теперь его щека с жесткой щетиной почти касалась ее бледной щеки. В воздухе между ними вспыхнуло такое плотное, густое напряжение, что казалось, чиркни спичкой — и комната взлетит на воз-

дух.

— Открой рот, — его голос стал смертельно тихим, лишенным даже намека на шутку. — Сама. Или я сейчас переверну этот стул, посажу тебя к себе на колени, одной рукой разожму твои челюсти, а второй запихну этот ужин тебе в глотку. Поверь мне, девочка: на моих коленях тебе понравится гораздо меньше. А может — и наоборот, слишком сильно. Хочешь проверить?

Вероника распахнула глаза и повернула голову, встречая его взгляд.

Они были в сантиметрах друг от друга. В его серо-зеленых глазах бушевала дикая жажда абсолютного обладания. Этот мужчина не отступил бы ни перед чем. Он перешагнул бы через любую преграду, считая ее своей по праву триумфатора.

И в то же время от жара его тела, от хриплого шепота и тяжелой ладони на шее внутри нее проснулась пугающая слабость. Ее тело предательски отзывалось на его силу, заставляя кровь приливать к щекам.

Ее губы мелко дрогнули.

Вероника глянула на дверь: Марфа ушла, столовая опустела. Если он выполнит угрозу, даже позвать будет некого. Она разжала пальцы на юбке, заставляя себя выбрать меньшую из двух унижительных уступок.

С ненавистью глядя ему прямо в зрачки, Вероника медленно, через силу приоткрыла губы.

Родион осторожно вложил кусочек мяса ей в рот, убрав вилку. Но пальцы не отстранились. Его большой палец — горячий, с шершавой мозолью — медленно провел по ее нижней губе, стирая каплю сока.

Прикосновение было откровенно интимным, обжигающим. Веронику словно прошило током от губ до кончиков пальцев ног. Ее веки дрогнули, дыхание перехватило.

— Вот так, умница, — прошептал он, и в его голосе прорезалось хриплое, утробное торжество. — Ты умеешь быть разумной, Светлова, когда понимаешь расклад сил.

Он положил вилку на край ее тарелки и выпрямился во весь рост. Ощущение пустоты и холода, мгновенно сменившее его прикосновение, ударило по нервам Вероники почти физической болью.

Родион неспешно вернулся на свое место во главе стола, сел в кресло и снова взял бокал с вином.

— А теперь возьми нож и вилку. И съешь всё, что лежит на тарелке. Я буду сидеть здесь и смотреть на тебя, пока ты не вычистишь ее до блеска.

Вероника судорожно сглотнула пережеванное мясо. Горло саднило от унижения, пальцы не слушались, но она опустила руки к приборам. Серебряный нож и вилка дрожали в ее пальцах, с тихим звяканьем ударяясь о край тарелки.

Она ела молча, давясь каждым куском, чувствуя на себе его тяжелый, немигающий взгляд хищника, который ни на секунду не отпускал свою добычу.

Глава 7

Ночь в «Кедровой Цитадели» наступила внезапно, словно кто-то накрыл скалистый мыс тяжелым шерстяным пологом. Буря, бушевавшая весь день, наконец улеглась, сменившись гулкой, почти осязаемой тишиной. Лишь изредка внизу, у самого подножия гранитных утесов, лениво перекатывалась тяжелая озерная волна, с глухим шелестом разбиваясь о каменные выступы.

Часы на каминной полке в спальне Вероники бесшумно отсчитали половину третьего ночи.

Сон не шел. Стоило ей закрыть глаза, как перед мысленным взором вспыхивали картины вчерашней катастрофы: растерянное лицо отца, мокрая от слез бумага пакта, наглый взгляд трусливого брата и фигура Казанцева, нависшая над ней, как гранитная скала. Но страшнее всего было другое: ее собственное тело не давало ей покоя. Место на шее, куда за ужином ложился его большой палец, до сих пор пульсировало фантомным жаром. Каждый вдох давался с трудом, в горле пересохло так, будто она день провела под палящим солнцем в пустыне.

Воздух в спальне казался спертым, пропитанным смолистым духом кедра.

Вероника села на постели. Тонкий темно-зеленый шелковый халат, надетый прямо на обнаженное тело, заскользил по

гладкой коже, едва прикрывая колени и бедра. Пояс был завязан небрежным узлом на талии, оставляя глубокий вырез на груди. Густые темно-каштановые волосы тяжелыми медовыми волнами рассыпались по обнаженным плечам, спадая почти до поясницы.

Жажда сделалась невыносимой.

Она встала на ноги. Босые ступни коснулись прохладного паркета. Выглянув в темный коридор второго яруса, Вероника прислушалась. У дальней двери полоска света погасла. Вероника выждала еще несколько секунд и только тогда вышла: пройти мимо охраны в таком виде было бы последним унижением этой ночи.

Стараясь не издавать ни малейшего шороха, она неслышно двинулась вдоль кованых перил галереи и стала спускаться по кедровой лестнице на первый этаж.

Ей просто нужно было добраться до кухни, выпить стакан ледяной воды и вернуться обратно в свою комнату. Пять минут — и всё.

В огромной кухне, переходящей в барную зону, царил глубокий сизый полумрак. Свет из коридора туда почти не доходил; единственным источником освещения была слабая полоса янтарной светодиодной подсветки, протянутая под нижним краем навесных шкафов, да бледный, серебристый свет полной луны, пробивавшийся сквозь панорамные стекла во всю стену. В этом призрачном свете гладкая поверхность трехметрового острова из черного гранита казалась зеркалом ночной реки.

Вероника обогнула остров. На металлическом подносе стоял тяжелый хрустальный графин, покрытый мелкой сеткой холодной испарины.

Дрожащими от слабости пальцами она взяла высокий стеклянный стакан, наполнила его до самых краев талой водой со льдом. Поднесла к губам и стала жадно, судорожными глотками пить, запрокинув голову назад.

Вода обжигала горло целебным холодом. Несколько прозрачных капель сорвались с тонкого края стекла, покатались по бледной, точеной шее, задержались в ямочке между клю-

чицами и медленно стекли вниз, исчезая в темном вырезе шелкового халата между холмами высокой груди.

Вероника шумно выдохнула, опуская стакан на гранит.

И в ту же секунду из дальнего угла, скрытого тенью массивной колонны у самого окна, раздался сухой металлический щелчок.

Чирк.

Крошечный желтый огонек бензиновой зажигалки на долю секунды разорвал мрак, озарив хищный, резко очерченный профиль. Вспыхнул и тут же погас оранжевый кругляш на конце длинной сигары. Сизый, горьковатый дым с ароматом дорогого кубинского листа и терпкого можжевельника поплыл по кухне, медленно растворяясь в прохладном воздухе.

Вероника застыла на месте, как вкопанная. Пальцы, только что отпустившие стакан, онемели. Сердце ухнуло куда-то в район солнечного сплетения и забилося с такой бешеной, оглушительной силой, что удары отдавались в горле.

У панорамного стекла стоял Родион.

Он был совершенно один. И он был почти раздет.

На нем не было рубашки. Лишь свободные, низко сидящие на узких бедрах брюки из мягкого черного хлопка. Он стоял босиком, широко расставив мощные ноги, прислонившись широким плечом к стеклу, за которым серебрилась лунная рябь озера.

В полумраке его мускулистый, высеченный словно из

темного гранита торс выглядел пугающе монументальным. Широкий разворот плеч, литые бугры трапеций, рельефная мощь грудных мышц и глубокие, стальные кубики брюшного пресса. Вдоль правых ребер тянулся белесый, рваный шрам от давнего осколочного ранения, а чуть выше ключицы темнела округлая отметина от пули. От всего его обнаженного тела исходила такая первобытная, концентрированная мужская сила, что у Вероники мгновенно пересохло во рту, несмотря на только что выпитую воду.

Родион медленно повернул голову. Его глаза, привыкшие к темноте, впились в ее силуэт.

Он сделал неторопливую затяжку. Огонек сигары на секунду осветил его квадратную челюсть с темной жесткой щетиной и рассеченную нижнюю губу. Затем он подошел к массивной каменной пепельнице на стойке и коротким, точным движением раздавил тлеющий табак.

— Не спится, заложница? — его голос прозвучал тихо, но эта бархатная хрипота заставила воздух в просторной кухне завибрировать.

Вероника судорожно стиснула края халата на груди, пытаясь прикрыть вырез.

— Я... я просто пришла выпить воды, — ее собственный голос показался ей чужим, ломким и сдавленным. — Я уже ухожу.

Она попыталась сделать шаг в сторону коридора, обходя остров, но Родион двигался быстрее любой мысли.

Бесшумно, словно пантера, совершая бросок в ночной чаще, он перекрыл ей единственный проход.

Вероника инстинктивно отшатнулась назад. Ее поясница больно уперлась в жесткий, ледяной край полированного гранитного острова. Пути к отступлению больше не было.

В следующую секунду Родион шагнул вплотную.

Он не коснулся ее сразу, но его присутствие оказалось страшнее любого захвата. Он опустил свои широкие ладони на столешницу по обе стороны от ее бедер, нависнув над ней всей массой своего огромного тела и намертво заперев ее в тесное кольцо стальных мускулистых рук.

Вероника оказалась в ловушке.

Расстояние между ними сократилось до ничтожных миллиметров. Она кожей чувствовала обжигающий, неистовый жар, исходящий от его обнаженной груди. Ее ноздрей коснулся его запах — темный, дурманящий коктейль из можжевельника, горького дыма, дорогого мыла и дикого мужского мускуса. Этот аромат кружил голову, парализуя остатки воли.

Она прижалась спиной к камню так сильно, как только могла, стараясь не соприкоснуться с ним телом, но ее дыхание сбилось, грудь тяжело вздымалась.

В темноте серо-зеленые глаза Родиона светились опасным, хищным фосфором. Его взгляд скользнул по ее распущенным каштановым волосам, упал на дрожащие алые губы и медленно опустился ниже.

Тонкий шелк халата под лунным светом казался почти прозрачным. От холода камня и страха ее соски отчетливо проступали сквозь ткань темными напряженными бугорками.

Зрачки Родиона расширились. Его дыхание стало глубже, тяжелее.

— Ты спустилась сюда среди ночи в одном шелке, — медленно произнес он, и каждый звук отдавался дрожью в ее коленях. — Без белья. Босиком. Пахнущая лавандой. Чего ты добиваешься, Светлова? Проверяешь пределы моего терпения?

— Отойди... — выдохнула она, отчаянно борясь с накачивающим дурнотным оцепенением. — Казанцев, отойди от меня немедленно. Мне... мне холодно.

На его жестких губах мелькнула хищная, кривая усмешка: — Тебе холодно?

Он оторвал правую руку от столешницы.

Его тяжелая, обжигающая кисть медленно поднялась к ее лицу. Вероника зажмурилась, ожидая удара или грубости, но прикосновение оказалось пугающе бережным. Согнутая костяшка его указательного пальца коснулась влажной впадинки у нее под нижней губой, где еще оставалась капля воды, затем скользнула по подбородку и плавно опустилась на шею.

Там, где касалась его кожа, оставался след жидкого огня. Палец неторопливо двинулся вниз. Он миновал ключи-

цу и скользнул прямо по вырезу халата — вдоль ложбинки между полуобнаженных грудей, заставляя ткань расходиться еще шире.

Вероника судорожно втянула воздух. Ее тело предательски выгнулось навстречу его руке, с губ сорвался прерывистый стон. Колени подогнулись, и если бы не гранитная стойка за спиной, она бы сползла на пол.

— Лгунья, — пророкотал Родион прямо над ее губами. Его наклон был настолько близким, что его обнаженная грудь едва заметно коснулась ткани ее халата, прижимаясь к ее соскам. Вспышка телесного жара была такой нестерпимой, что Веронике показалось, будто вспыхнула сама кровь в ее жилах. — Ты не замерзла, заложница. Ты вся горишь. Твоя кожа плавится под моими пальцами.

Его рука скользнула к ее талии, пальцы смяли шелковый пояс, натягивая его.

Их губы замерли в полусантиметре друг от друга.

Вероника чувствовала вкус его дыхания — терпкий, пряный, опьяняющий. В этот миг стоило ей сделать малейшее движение вперед — на миллиметр податься навстречу — и этот железный исполин сорвал бы с нее шелк прямо здесь, на холодном камне, растоптав остатки приличий и гордости. И самое страшное было в том, что безумная, дикая часть ее существа жаждала этого падения с отчаянной, погибельной страстью.

Ее ресницы дрожали, глаза цвета темного янтаря встрети-

лись с его волчьим взором.

— Не смей... — едва слышно, разбитыми в кровь остатками гордости прошептала она. — Не прикасайся ко мне... Если ты возьмешь меня силой... я убью тебя во сне. Клянусь памятью матери.

Родион замер.

Его пальцы на ее талии сжались так, что затрещали шелковые швы. На его квадратных челюстях с яростным хрустом перекатились желваки. Лицо превратилось в застывшую маску нечеловеческой, яростной внутренней борьбы. Жилка на его мощной шее билась с такой силой, словно была готова разорвать кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.